

Сжигая мечты

Автор:

Ольга Мицкевич

Сжигая мечты

Ольга Мицкевич

Вам знакомо это чувство – жуткий шок и неверие, когда близкий человек делает больно?

Приехав на свадьбу сестры после пятилетнего отсутствия, я сталкиваюсь с бывшим женихом, ссорюсь с мамой и воскрешаю к жизни старые семейные проблемы. Родной дом стал чужим. И когда кажется, что хуже быть не может, я нахожу в гардеробной свадебное платье – мое свадебное платье.

Ольга Мицкевич

Сжигая мечты

ПРОЛОГ

Ветер бьет в спину, превращая платье в огромное, мерцающее облако. Пышные юбки колышутся у голых лодыжек, волосы вьются лентами на ветру. В темноте шумит море, набегая волнами на песок. Звезды на иссиня-черном полотне неба невероятно яркие.

Я ощущаю себя призраком, клочком тумана осенним утром, крошечной песчинкой в множестве ей подобных. Стоя лицом к морю, я закрываю глаза и

провожу ладонями по прохладной ткани свадебного платья, запутываюсь пальцами в легком облаке юбок. Ночь кругом гудит, стонет, зовет, шепчет. А я все еще не до конца понимаю зачем вообще надела его, это проклятое платье.

1.

Дом кажется меньше, чем мне запомнилось. Но, подобно картине, на которую нанесли последний слой лака, он играет свежими красками: новая черепица на крыше взамен старой, грязно-серой, белые ставни, деревянные ступени. Самодельный скворечник на столбе веранды. Цветочных клумб в саду вдвое больше. Забор выкрашен зеленой краской.

Детали. В целом все осталось, как было прежде.

Сквозь лобовое стекло я наблюдаю, как в июльском воздухе колышутся фиолетовые с золотом ленты: вдоль перил, на столбах веранды, даже на деревьях и заборе. Увлекаясь, моя сестра утрачивает чувство меры.

Так было всегда и во всем, с самого детства. Если мама наполняла вазу в гостиной конфетами, я брала по одной, Линда же просто забирала вазу целиком, уносила к себе в комнату и не утруждалась ее вернуть, даже когда гора сладостей превращалась в гору пустых фантиков. Примерно также она поступала и с игрушками, и с одеждой, а позже – с мальчиками: перебирала их, словно платья на вешалке, и выбрасывала надоевшие.

Пусть мы сестры, но Линда всегда оставалась для меня загадкой. Она умела быть милой и ласковой, точно кошка, но чаще напоминала мне красивую рыбку в аквариуме, холодную и равнодушную, занятую заботой единственно о себе. И долгое время меня это совершенно не задевало, ведь, пускай мы и разные, но все же сестры. Между нами не было особого тепла, но мы ладили, пока однажды Линда не переступила черту, разодрав мою жизнь надвое. Жадной она была всегда, но больно сделала мне впервые.

Припарковавшись у ворот, я выключила радио, но двигатель заглушать не стала. Музыка, пусть и тихая, путает и сбивает с мыслей, а мне необходимо решить

достаточно ли во мне храбрости. Безмолвный дом дрожит в летнем мареве. Мне гадко от трусливого желания махнуть на все рукой, развернуть машину и сбежать, но еще противнее от перспективы стать частью завтрашнего торжества, лгать и улыбаться, но хуже всего – что меня это вообще волнует. Нестерпимо хочется курить – впервые за пять лет, – и я принимаюсь барабанить по рулю, в попытке занять руки и отвлечься.

Громада дома давит, будто делаясь больше. Я сглатываю сухим ртом и оглядываюсь назад. Мне не следовало отвечать на вчерашний звонок от мамы.

– Ты должна приехать, обязательно! – настаивала мама.

– Не хочу, мам, – подцепив нитку в прорехе на джинсах, я медленно накручивала ее на палец.

– Это свадьба твоей сестры, ради всего святого!

– Я в курсе мам. Потому и не хочу.

– Милая... – протяжно выдохнув в трубку, мама замолчала.

Пауза тянулась и тянулась. Мама всегда так делала – подбирала слова, меняя тактику, тон. Подчеркивала паузами значимость сказанного, тем самым заставляя собеседника усомниться, прогнуться под ее волю. Даже зная все это заранее, я ощутила горечь во рту, еще прежде, чем мама заговорила вновь.

– Ты ведешь себя глупо и незрело, – больше никаких просительных интонация. – Это важный день для твоей сестры. Для всей семьи! Линда так долго ждала его, так готовилась!

– Не сомневаюсь, – я дернула слишком сильно, и нитка оборвалась.

– Не дерзи! – не сдержавшись, воскликнула мама. – Ты обязана приехать, потому что, нравится тебе или нет, ты все еще часть этой семьи. И, как семья, все радости и горести мы встречаем вместе.

– Мам, пожалуйста... – но я уже знала, что спорить дальше не имеет смысла.

Закрыв глаза и опустив голову на руль, я думаю о том, как разнятся те значения, которые мы вкладываем в слово семья. Каждого, входящего в родительски дом, приветствует огромная фотография в широкой раме из выбеленного дерева. На дорогой матовой фотобумаге запечатлены мы четверо, опрятно одетые и аккуратно причесанные, с огромными, сияющими улыбками. Родители стоят на фоне старой каменной стены – папа чуть позади, мама рядом, с неестественно прямой спиной и вздернутым подбородком. Меня и Линду фотограф усадил на узкую скамеечку перед родителями. Мы обе одеты в платья одинакового фасона, но разных цветов, в волосах ленты в тон, а ноги скрещены в лодыжках.

Мне всегда казалось, что таким образом мама пытается запихнуть нас в красивую упаковку, которая нам слегка маловата, ведь на этом фото мы далеки от нас настоящих настолько, насколько это вообще возможно. И все же, повинувшись заведенному порядку, каждый из нас из года в год исправно играл положенные роли, а я только что с досадой поняла, что так и не сумела забыть свою – старшей сестры и покорной, хорошей дочери. В отличии от своенравной и импульсивной Линды, я не доставляла родителям проблем, была всегда и во всем послушной, и, вероятно, именно поэтому – незаметной.

Заглушив, наконец, двигатель, я опускаю окно и жадно глотаю жаркий воздух. Как же душно... Здесь даже пахнет знакомо, и от этого больнее вдвойне.

В отдалении хлопает дверь и в тени веранды я вижу маму. На ней узкие брюки и туфли на высоком каблуке, светлые волосы тщательно уложены. Глядя на нее, я едва сдерживаюсь, чтобы не поправить небрежный пучок, который второпях соорудила на голове еще утром. Приложив правую ладонь козырьком ко лбу, мама нетерпеливо машет левой, веля мне поторопиться. Я знаю, что опаздываю, но салон старенького Форда все еще кажется мне куда приветливее родительского дома.

– Ты опоздала! Вот-вот гости приедут, – кричит мама, оставаясь в прохладной тени веранды. – Поторопись, будь добра.

Я провожу ладонями по бедрам, одергиваю край шорт. Мне вновь, как и в детстве, хочется стать маленькой и незаметной. Забиться в щель между половиц.

– Уже иду, мам, – отзываюсь я и вылезая из машины.

Мне все еще страшно, и это нервирует. Идеально подстриженный газон сверкает на солнце. Под подошвами сандалий хрустит гравий, и мне мерещится, что в груди что-то точно так же хрустит и щелкает, приводя в движение старый, замшелый механизм машины воспоминаний. Когда-то в прошлом, я была здесь счастлива и верила, что это навсегда.

Вот я, семилетняя, прячусь за кустом роз и баюкаю распухшую от укуса осы ладонь, боясь идти в дом; вот мы с Линдой, выпачканные в грязи и мокрые до трусиков, стоим под импульсным разбрызгивателем для полива газона и пытаемся поймать радугу; вот старый пенек яблони, свалившись с которой, Линда сломала руку (наказали нас обеих, а яблоню неделю спустя папа спилил); а вот куст жасмина, в тени которого Стас меня поцеловал и с того момента все переменялось.

Воспоминания, подобно призракам, бродят по саду, потревоженные моим возвращением.

Тропинка от калитки до веранды еще никогда не казалось такой длинной, но уже коснувшись нижней ступеньки, я вдруг слышу знакомый голос и мир кругом вдруг покрывается трещинками и дрожит. На меня накатывает водоворот запахов и звуков, отшвыривает в то первое лето, когда мы познакомились – и в каждое, что было после. Мгновение я не чувствую под собой ног и хватаюсь за перила, пытаюсь удержаться.

Я не готова. Пять лет прошло, а я все еще не готова.

У прошлого запах дождя и сахарной ваты, звук смеха, шелеста виниловых пластинок и стрекота кузнечиков в сухой траве, оглушительных раскатов грома в чернильном небе. У моего прошлого цвет счастья.

И его имя.

В полдень почти все мои вещи еще лежат в рюкзаке. Сама я прячусь в гостевой спальне, то и дело поглядывая на запертую дверь. Здесь ничего не напоминает о моей прежней комнате, даже мебель другая и расставлена иначе. Обои в мелкий цветочек сменил слой спокойной, бежевой краски, а вместо узкой кровати у самого окна теперь стоит широкая двуспальная, с низким изголовьем. Словно и не жила я здесь никогда. Но вид из окна остался прежним – куст жасмина и клочок ослепительно-яркого неба.

Интересно, существует ли где-то на чердаке коробка с моими школьными тетрадями, стеклянными бусами, цветными заколками и книгами в мягких обложках? Почему-то я сомневаюсь, что такое возможно.

После неожиданной встречи во дворе, мне отчаянно хотелось хоть ненадолго остаться в одиночестве, но чем дольше я смотрю на эти безликие стены, тем больше нервничаю. Стоя у распахнутого окна и вдыхая сладкий воздух, я медлю, не желая спускаться на первый этаж, где моя сестра и мой бывший жених встречают прибывающих гостей. Сегодня пятница, день накануне свадьбы и мама решила устроить по этому поводу «маленькое семейное торжество», как она выразилась по телефону двумя неделями ранее. Я все еще чувствую горечь во рту после того разговора, и легкое головокружение, но это скорее от голода.

Наблюдая за тихим садом, я замечаю внизу папу. Несмотря на жару, на нем наглухо застегнутая рубашка, пиджак и галстук, а начищенные до блеска туфли утопают в мягкой траве. Папа с кем-то разговаривает, но тень от куста жасмина почти полностью скрывает его собеседника. Скорее от скуки, чем из любопытства, я подаюсь вперед, прислушиваюсь. В этот момент папин собеседник смеется и у меня перехватывает дыхание. Глеб. Господи... Разумеется, он тоже здесь.

Не желая быть пойманной, я делаю шаг назад. В который раз думаю, что стоило остаться дома, не приезжать. Половица протяжно стонет, и Глеб вскидывает вверх лицо, глядит точно на меня. Словно знает. Медленно, лукаво улыбается. Волосы у него теперь короче и на тон светлее, плечи – шире, он заматерел, но в остальном мало изменился.

На ветру шелестят ленты, из распахнутых в сад окон гостиной доносится тихая музыка. Глеб молча смотрит на меня и от этого его взгляда у меня в животе разливается тепло. Знакомое, пугающее ощущение. Сглотнув, я поспешно отступаю еще на шаг, и больше не вижу ни куста жасмина, ни высокой фигуры

Глеба. Еще один призрак, бродящий по саду, говорю себя я. Ничего более.

Бросив взгляд на разложенное на кровати платье, я решаю, что пора спускаться. Это как оторвать пластырь или прыгнуть с разбегу в прозрачную глубину карьера: один шаг, короткий миг полета – и все позади.

Первый этаж уставлен цветами в напольных вазах, а потолок украшен фонариками в форме звезд. В глазах рябит от обилия фиолетового с золотом: перила лестницы, потолочные балки, и даже ручки дверей украшены атласными лентами разной длины. Тут и там они колышутся в потоках воздуха от работающих над головой вентиляторов. В других обстоятельствах это, пожалуй, выглядело бы красиво, но сейчас, глядя на ленивое покачивание праздничных лент, я думаю о скользких водорослях в темной речной воде.

Это странно – вот так наблюдать за ними со стороны. Оба красивые, веселые и очевидно влюбленные: Линда в воздушном платье цвета лаванды, выгодно оттеняющем ранний загар, и Стас в бледно-сером костюме. Смеясь, Линда то и дело закидывает голову назад, а его ладонь, будто приклеенная, не покидает ее поясницы, словно моя сестра нуждается в поддержке. Словно Линда вообще когда-либо нуждалась в поддержке или одобрении. И все же, они красивая пара, с этим не поспоришь. В других обстоятельствах я бы порадовалась.

В других обстоятельствах я не стояла бы в углу гостиной, одетая в тесное кружевное платье, от которого у меня зудит кожа, а спина покрыта испариной, с лицом, горящим под слоем тонального крема. То и дело я ловлю на себе мамыны хмурые взгляды и без слов знаю – ей не нравится, что я держусь в стороне, не пытаюсь хоть с кем-то поговорить или даже улыбнуться. Два бокала назад я об этом переживала, но теперь меня окутало благословенное безразличие.

Фоном играет подходящая случаю музыка. Кругом слышен смех и разговоры, по просторной гостиной перемещаются человек пятнадцать гостей – только родственники и близкие друзья. Завтра народу будет в разы больше: на торжество и последующий банкет молодожены пригласила едва ли не пол города! Где-то между первым и вторым бокалом шампанского, я слушала мамыны переживания по поводу недостаточного количества мест в церкви, кивая в нужных местах, пока папа рядом молча жевал бутерброд с лососиной.

Стоит отметить, что только моя мама умеет возмущаться в пол голоса, сохраняя на лице приветливую, лучезарную улыбку: флорист подвел с цветами, и вместо вожделенных сестрой гортензий, будут белые розы; ведущий упрямится с программой, настаивая на традиционном выкупе, а Линда считаем это страшно старомодным; свидетель так веселился на «мальчишнике», что теперь под его левым глазом красуется расплывчатый синяк, неловко замазанный толстым слоем тонального крема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mickevich_ol-ga/szhigaya-mechty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)